

18+

Юрий Драздов

**Манакон.
Арка 12**

Юрий Драздов
Манакоп. Арка 12

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Манакон. Арка 12 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Жанр: Постапокалиптическое фэнтези, антиутопия, героическая драма. Мир рухнул. Вселенская машина под названием Система, превращавшая живых людей в батарейки ради поддержания барьера, уничтожена. Её создатель, Архитектор, мёртв. Но на смену одному порядку приходит ещё более страшный хаос. Кай, бывший инквизитор, ставший символом сопротивления, пытается удержать осколки человечества в лагере среди руин Пепельной Воронки. Ценой немыслимых усилий он создает новый Кодекс — свод законов.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Теневое сопротивление	6
Часть I. Подземная литургия	7
Часть II. Кредо сломанных клинков	17
Часть III. Гнездо	22
Часть IV. Суд над теньями	29
Глава 2. Потеря Лины	32
Часть I. Цена бдительности	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Манакон. Арка 12

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-0767-2 (т. 12)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Теневое сопротивление

Часть I. Подземная литургия

I

Утро началось не с холода, не с криков и не с дождя. Оно началось с тишины — той особой, тревожной тишины, которая наступает, когда мир замирает перед ударом. Кай проснулся на своём обычном месте, на обломке стены у фонтана, и первые несколько секунд просто лежал, глядя в серое небо. Над Пепельной Воронкой собирались тучи — низкие, тяжёлые, набухшие влагой, которую они обещали пролить уже которую неделю, но так и не проливали. Где-то на востоке, над руинами Старого Города, глухо рокотал гром — дальний, ленивый, словно сама природа не могла решить, стоит ли ей вмешиваться в дела людей.

Каменная левая рука, как всегда по утрам, лежала на груди мёртвым грузом. За ночь она остыла настолько, что ткань рубашки вокруг неё покрылась инеем — мелким, колючим, который таял от тепла тела и оставлял влажные разводы на серой, потрёпанной ткани. Кай машинально потёр плечо правой рукой — привычный жест, который за эти недели стал таким же естественным, как дыхание. Боль не уходила — она никогда не уходила полностью, — но он научился жить с ней. Как научился жить со всем остальным: с памятью о Грегоре, с призраком Архитектора, с грузом ответственности, который давил на плечи тяжелее любого обсидиана.

Он сел и оглядел площадь. Лагерь просыпался медленно, неохотно, как человек, который знает, что новый день не принесёт ничего хорошего. Люди выбирались из-под рваных тен-тов, кутались в обрывки одежды, разводили костры. Их движения были скованными — не от холода, а от того особого, внутреннего напряжения, которое поселилось в лагере после суда над Ноль и не уходило уже которую неделю. Кай видел это напряжение каждый день. Чувствовал его через «слепое зрение» — как тусклую, болезненную пульсацию в аурах людей, которые ещё недавно верили в него безоговорочно, а теперь смотрели с вопросом, на который у него не было простого ответа.

Принятие Кодекса три дня назад немного разрядило обстановку. Форум на Фонтане, этот импровизированный парламент под открытым небом, дал людям возможность высказаться — и они высказались. Они спорили до хрипоты о правах и обязанностях, о наказаниях и поощрениях, о том, как выбирать Совет и как отзывать его членов. Они создали свод правил, который был далёк от совершенства, но был их собственным. И на короткое время — на день или два — Каю показалось, что худшее позади. Что трещина, которую создал арест Ноль, начала затягиваться.

Но сейчас, глядя на угрюмые лица людей у фонтана, он понимал: трещина не затянулась. Она просто замерла, как замерзает вода перед тем, как превратиться в лёд и разорвать камень.

— Ты опять не спал.

Голос Лины прозвучал неожиданно близко, хотя Кай должен был ожидать его. Она всегда приходила в это время — на рассвете, когда лагерь ещё только просыпался и у них было несколько минут тишины до того, как начнётся очередной бесконечный день. Её лицо, бледное и осунувшееся, было подсвечено тусклым светом портативного монитора. Механическая рука тихо гудела в фоновом режиме, красная линза вращалась, сканируя пространство. Но Кай

заметил, что она двигается медленнее обычного. Осторожнее. Словно каждое действие требовало от неё дополнительного усилия.

— Ты тоже, — ответил он, хотя это было очевидно.

— Я спала три часа, — возразила Лина, опускаясь на обломок стены рядом с ним. — И то потому, что Дрейк буквально пригрозил запереть меня в подсобке. Сказал, что даже машинам нужен отдых.

— И ты послушалась?

— Я не машина, Кай. Иногда я об этом забываю, но Дрейк мне напоминает.

Они замолчали. У фонтана уже начинали собираться люди — первые, самые дисциплинированные, которые приходили за водой до того, как выстроится очередь. Кай наблюдал за ними краем глаза и вдруг нахмурился. В их движениях было что-то необычное. Они не просто стояли и ждали — они оглядывались. Перешёптывались. Бросали быстрые, тревожные взгляды в сторону восточного выхода из лагеря.

— Что происходит? — спросил он, поднимаясь на ноги.

Лина уже активировала монитор и вглядывалась в данные. Её лицо, ещё секунду назад просто усталое, стало напряжённым.

— Не знаю, — произнесла она, и в её голосе прозвучала тревога, которую она редко позволяла себе показывать. — Но на восточном посту только что зафиксировали какое-то движение. Не «Внешние» — сигнатура слишком слабая. Но и не обычный патруль. Я не могу понять, что это.

— Я иду туда, — сказал Кай, уже направляясь к восточному выходу.

— Кай, подожди! — окликнула Лина, и в её голосе прозвучала несвойственная ей резкость. — Это может быть...

Она не закончила. Потому что в этот момент от восточного поста раздался крик. Не крик тревоги, не крик боли — а крик ужаса. Тот самый, который невозможно спутать ни с чем другим. Крик человека, который только что увидел нечто, чего не должно существовать.

Кай побежал.

2

Восточный пост находился на окраине лагеря, у подножия полуразрушенной башни, которая когда-то была частью старой водонапорной системы. Двое часовых стояли там круглосуточно, сменяясь каждые шесть часов. Их задачей было наблюдать за подступами к лагерю с востока — оттуда, где проходила граница между уцелевшими кварталами и серой пустотой. Пост считался спокойным. Слишком спокойным. Потому что «Внешние» никогда не атаковали с востока — их привлекала магия, а на востоке её было меньше всего.

Когда Кай добежал до поста, он увидел толпу. Человек десять-двенадцать — часовые, разбуженные криком патрульные, случайные прохожие — стояли полукругом у подножия башни. Их лица, освещённые бледным утренним светом, выражали ужас и отвращение. Кто-то прижимал ладонь ко рту. Кто-то отвёл взгляд и смотрел в сторону, не в силах заставить себя смотреть на то, что лежало на земле. Кто-то, наоборот, смотрел пристально, заворожённо, как смотрят на катастрофу.

Кай протиснулся сквозь толпу и замер.

На земле, у подножия башни, лежало тело.

Это был мужчина лет пятидесяти, которого Кай знал лично. Его звали Аллар. Он был одним из членов расширенного Совета — не самым влиятельным, не самым заметным, но честным и надёжным. Бывший учитель из Старого Города, он потерял всю семью во время «Форматирования» и посвятил себя работе в Совете, надеясь, что это поможет ему забыться. Последние несколько дней он занимался распределением продовольствия среди беженцев — рутинная, неблагодарная работа, которую он выполнял тихо и без жалоб.

Теперь он лежал на спине, широко раскрыв остекленевшие глаза, устремлённые в серое небо. Его рот был приоткрыт, словно он пытался что-то сказать перед смертью, но не успел. Одежда — простая серая рубаша и штаны, которые носили почти все в лагере, — была разорвана на груди. И на этой груди, прямо на коже, было вырезано нечто.

Кай наклонился ближе, преодолевая тошноту, и разглядел рисунок. Это были весы, уравновешенные мечом. Символ Инквизиции. Тот самый символ, который был выгравирован на старом значке Грегора. Тот самый, который Архитектор превратил в герб своей Системы.

Но весы были не просто вырезаны. В них была вложена какая-то извращённая, ритуальная тщательность. Линии были ровными, почти хирургически точными, словно убийца работал не ножом, а скальпелем. А под символом, на животе жертвы, кто-то написал — не вырезал, а именно написал чем-то тёмным, похожим на засохшую кровь, но слишком чёрную для крови, — короткую фразу на старом, архаичном языке протоколов Системы:

«За нарушение статьи 47. Исполнено. Приговор окончательный».

Кай почувствовал, как его каменная левая рука начинает вибрировать. Холод обсидиана, который он научился игнорировать, внезапно стал невыносимым — словно сама мёртвая плоть реагировала на присутствие чего-то, что было связано с её создателем. С Архитектором. С «Арестом Вечности», который когда-то был наложен на Кая в Центральной Башне.

— Кто это сделал? — тихо спросил он, не оборачиваясь. Его голос прозвучал спокойно. Слишком спокойно. Так спокойно, как говорит человек, который только что принял решение, но ещё не знает, каким оно будет.

Никто не ответил. Люди переглядывались, перешёптывались, но никто не решался заговорить. Наконец вперёд вышел один из часовых — молодой парень по имени Кел, которого Кай помнил по форуму. Его лицо было бледным, а руки дрожали так, что он не мог сжать их в кулаки.

— Господин Кай, — произнёс он, и его голос сорвался. — Я... я стоял на посту. Ночью. Всё было тихо. Господин Аллар ушёл с поста около полуночи — он проверял восточные склады перед сном. Он всегда проверял их. Это был его... его ритуал. А утром мы нашли его здесь. Я не знаю, как он сюда попал. Я не спал, клянусь — я не спал! Я бы услышал, если бы его тащили! Но я ничего не слышал. Ни шагов, ни криков, ничего. Как будто он просто... появился здесь.

— Или как будто его убили где-то в другом месте и принесли сюда, — мрачно добавил другой голос.

Кай обернулся. К посту подходил Дрейк. Его лицо, покрытое шрамами, было мрачным и сосредоточенным — лицом солдата, который только что увидел врага и оценивает его тактику. За ним следовали Томас и Арик. Томас, увидев тело, побледнел и отвёл взгляд. Арик, напротив, смотрел пристально, и в его глазах горел холодный, расчётливый огонь разведчика.

— Дрейк, — произнёс Кай, и в его голосе прозвучало облегчение. — Ты вовремя.

— Лина вызвала меня, — ответил Дрейк, подходя ближе и опускаясь на корточки рядом с телом. Он внимательно осмотрел рану на груди Аллара, затем перевёл взгляд на символ и надпись. Его лицо, и без того мрачное, стало ещё мрачнее. — Святая Пустота.

— Ты знаешь, что это? — спросил Томас, всё ещё не решаясь подойти ближе.

— Знаю, — ответил Дрейк, выпрямляясь. — Статья 47. Это из старого Кодекса Архитектора. «Нарушение протокола распределения ресурсов». Она применялась к тем, кто... кто пытался обойти Систему. Кто давал ману или еду тем, кому она не была положена по лицензии. — Он замолчал и посмотрел на Кая. — Аллар занимался распределением продовольствия среди беженцев. С точки зрения Системы, это было бы нарушением. Тяжким.

— Система мертва, — резко ответил Томас, и в его голосе прозвучал протест. — Архитектор мёртв. Какое значение имеет сейчас эта статья?

— Для нас — никакого, — ответил Дрейк. — Но для того, кто это сделал... — он указал на тело, — для него Система всё ещё жива. И он действует от её имени.

Кай снова посмотрел на символ на груди Аллара. Весы и меч. Справедливость и сила. Принципы, которые он сам недавно пытался возродить в новом, справедливом смысле. Но этот символ, вырезанный на теле невинного человека, не имел ничего общего со справедливостью. Это была карикатура. Насмешка. Предупреждение.

— Это не просто убийство, — тихо произнёс он. — Это послание. Послание нам. Всем нам. «Вы думаете, что победили? Вы думаете, что Система мертва? Нет. Мы здесь. Мы вернулись. И мы будем судить вас по старым законам».

Люди, собравшиеся у поста, начали перешёптываться. Страх, который до этого был подспудным, скрытым, внезапно вырвался наружу, как пар из перегретого котла. Кто-то заголосил. Кто-то начал требовать усилить охрану. Кто-то, наоборот, предлагал бежать из лагеря немедленно, пока убийца не нанёс новый удар.

— Тихо! — рявкнул Дрейк, и его голос, усиленный аурой бывшего аватара, перекрыл шум толпы. — Паника — это именно то, чего они хотят. Вы что, не понимаете? Они убивают не просто так. Они убивают, чтобы посеять страх. Чтобы заставить нас сомневаться друг в друге. Чтобы мы начали видеть врага в каждом соседе. И чем больше мы паникуем, тем ближе они к своей цели.

— Кто «они»? — спросила женщина из толпы, и её голос дрожал. — Кто мог сделать такое? Гуннар? Торвальд? «Внешние»?

Дрейк посмотрел на Кая, и в этом взгляде было что-то, что Кай не мог расшифровать сразу. Сомнение? Или, возможно, страх? Дрейк, который прошёл через ад Хрустального леса, который сражался с Архитектором в Ядре, который видел «Внешних» и не отступил, — Дрейк боялся. Не за себя — за то, что этот страх мог означать.

— Не Гуннар, — медленно произнёс Дрейк. — Гуннар — жестокий ублюдок, но он не фанатик. Он убивает ради власти, а не ради идеи. Не Торвальд — он предпочитает манипуляции. И не «Внешние» — они не оставляют тел. Они просто стирают. — Он замолчал и перевёл дух. — Нож, которым это сделано... посмотрите на разрезы. Они слишком точные. Слишком аккуратные. Обычный человек не смог бы вырезать такой символ на теле — тем более на теле, которое, вероятно, сопротивлялось. Это работа профессионала. Или... не совсем человека.

— Коллекторы, — тихо произнёс Кай, и это слово упало в тишину, как камень в воду.

Толпа замерла. Дрейк медленно кивнул.

— Я надеялся, что ошибаюсь, — произнёс он. — Но ты прав. Это их метод. Они всегда были хирургически точны. И они всегда действовали от имени Системы.

3

Час спустя в штабном подвале собрался весь ближний круг. Лина сидела за своим монитором, и её механическая рука гудела громче обычного — она уже начала анализ улики. Дрейк стоял у стены, скрестив руки на груди, и его аура пульсировала сдерживаемой яростью. Томас и Элиас сидели рядом, прижавшись друг к другу, как всегда в минуты тревоги. Арик стоял у двери, и его лицо, всё ещё бледное, выражало ту особую, напряжённую готовность, которая появлялась у него перед разведывательными миссиями. Вейл, которая настояла на своём присутствии, сидела в углу и молчала, но её глаза горели холодным, аналитическим огнём.

Тело Аллара перенесли в отдельное помещение — Лина настояла на том, чтобы провести полное вскрытие. Она работала уже около получаса, и всё это время в подвале стояла тишина, нарушаемая только гулом механической руки и редкими, отрывистыми комментариями Лины.

Наконец она выпрямилась, сняла перчатки и повернулась к собравшимся. Её лицо, бледное и осунувшееся, было мрачным и сосредоточенным.

— Это Коллекторы, — произнесла она без предисловий. — Я уверена на девяносто пять процентов. Убийство совершено орудием, которое я идентифицировала как имплантированный клинок модели «Грань-7». Такие клинки использовались только элитными Коллекторами

— теми, кто был интегрирован в протоколы Системы на глубинном уровне. Обычные инквизиторы их не носили.

— Имплантированный? — переспросил Томас, и его голос дрогнул. — То есть... оружие было встроено в тело убийцы?

— Да, — ответила Лина. — Клинок выдвигался из предплечья. Это стандартная модификация для Коллекторов. Она позволяла им атаковать без предварительной подготовки — просто активировать имплант и нанести удар. — Она замолчала и вывела на экран монитора увеличенное изображение раны. — Посмотрите на края разреза. Они идеально ровные. Никаких зазубрин, никаких следов колебания. Убийца не просто профессионал — он действовал с машинальной точностью. Как... как если бы он выполнял протокол.

— Протокол, — мрачно повторил Дрейк. — Ты хочешь сказать, что они всё ещё следуют протоколам Архитектора? Даже после его смерти?

— Не просто следуют, — ответила Лина, и её голос стал мрачнее. — Судя по надписи на теле, они используют их как... как руководство к действию. Как священный текст. Статья 47, на которую они ссылаются, — это реальная статья из Кодекса Системы. Она касалась «несанкционированного перераспределения ресурсов» и каралась вплоть до «окончательного списания». — Она замолчала и перевела дух. — Аллар распределял продовольствие среди беженцев. С точки зрения старой Системы, это было бы нарушением. Тяжким нарушением.

— Но Системы больше нет! — воскликнул Томас, и в его голосе прозвучало отчаяние. — Мы её уничтожили! Кай убил Архитектора! «Форматирование» стёрло её серверы! Как они могут продолжать следовать протоколам, которых больше не существует?

— Потому что протоколы для них — это не просто инструкции, — тихо произнёс Кай, и все взгляды обратились к нему. — Это вера. Когда Архитектор создавал Коллекторов, он не просто встроил в них оружие. Он встроил в них идеологию. Они были его паствой, его инквизиторами, его мечом. И теперь, когда их бог мёртв, они не перестали верить. Они превратили его в мученика. А себя — в его наследников.

В подвале воцарилась тишина. Каждый обдумывал его слова, и на лицах собравшихся отражался медленный, холодный ужас осознания. Коллекторы не были просто выжившими врагами, которые прятались в руинах. Они были культом. Сектой, которая верила в свою правоту с той же фанатичной силой, с какой Ноль верила в свободу, а Кай — в справедливость. И с такой сектой нельзя было договориться. Её можно было только пережить.

— Их нужно найти и уничтожить, — резко произнёс Дрейк, нарушая молчание. — Немедленно. Пока они не нанесли новый удар.

— Согласен, — кивнул Кай. — Но прежде чем уничтожать, мы должны понять, с кем имеем дело. Сколько их? Где их база? Кто ими командует? Без этой информации любая атака будет ударом вслепую. А удары вслепую приводят к жертвам среди наших.

— У меня есть кое-что, — произнесла Лина, снова поворачиваясь к монитору. — Когда я осматривала тело Аллара, я обнаружила на его одежде микроскопические частицы. Пыль, которая не является обычной строительной пылью. Это... — она увеличила изображение на

экране, — ...это остатки магического излучения. Очень слабого, почти на грани обнаружения. Но его частота характерна для одного конкретного типа устройств: «Процессоров» Коллекторов.

— «Процессоров»? — переспросил Арик. — Тех самых, которые Кай добыл после боя с первым Коллектором?

— Тех самых, — подтвердила Лина. — Каждый Коллектор был оснащён встроенным магическим процессором, который координировал его действия с Системой. После смерти Архитектора эти процессоры должны были отключиться — как и все остальные устройства Системы. Но, судя по этим остаточным следам, по крайней мере некоторые из них всё ещё функционируют. Не в полную силу, но достаточно, чтобы... обеспечивать связь. И убивать.

— Значит, мы можем отследить их по сигнатуре процессоров? — спросил Кай.

— В теории — да, — ответила Лина. — На практике это почти невыполнимо. Процессоры работают на очень низкой мощности, и их сигналы теряются в общем фоновом шуме. Чтобы засечь хотя бы один, мне нужно специальное оборудование — то, которое было только в Центральной Башне. А Башня разрушена. — Она замолчала, и на её лице отразилась досада. — Я могу попытаться модифицировать свои сенсоры, но на это уйдёт время. Дни, возможно, недели.

— У нас нет недель, — резко ответил Дрейк. — Если Коллекторы уже начали убивать, они не остановятся. Сегодня — Аллар. Завтра — кто-то ещё. Послезавтра — десятки людей. Мы должны нанести удар первыми.

— Согласен, — произнёс Кай, и его голос прозвучал твёрже, чем раньше. — Но не вслепую. Лина, продолжай анализ. Арик, ты и твои разведчики — обойдите все восточные кварталы. Ищите любые следы: заброшенные убежища, аномальную активность, людей, которые ведут себя странно. Дрейк, усиль охрану по всему периметру. Никто не ходит в одиночку. Никто не покидает лагерь после заката.

— Это звучит как военное положение, — заметила Вейл, и в её голосе прозвучала настороженность. — Мы только что приняли Кодекс, который гарантирует людям свободу передвижения. А теперь ты вводишь комендантский час?

Кай повернулся к ней и встретил её взгляд. Вейл была права — и он знал это. Комендантский час был нарушением тех самых принципов, которые они с таким трудом записали в Кодекс. Но альтернатива была хуже. Альтернатива — новые трупы с вырезанными на груди символами Инквизиции.

— Это не комендантский час, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Это мера предосторожности. Временная. Пока мы не найдём убийц. Кодекс не запрещает нам защищать себя — он запрещает нам ограничивать свободу без необходимости. А сейчас необходимость есть.

Вейл долго молчала, обдумывая его слова. Затем она медленно кивнула.

— Хорошо. Но если эти «временные меры» затянутся, я напомню тебе об этом разговоре.

— Справедливо, — ответил Кай.

4

Вторая атака произошла не через день и не через два. Она произошла той же ночью.

Кай находился на командном пункте, когда один из часовых на южном периметре подал сигнал тревоги. Это был не крик — крик был бы слишком человеческим для того, что происходило, — а короткая, сдавленная вспышка магического маяка, которая тут же погасла.

— Южный пост номер семь, — быстро произнесла Лина, не отрываясь от монитора. — Он только что отключился.

— Опять? — резко спросил Дрейк, который только что вошёл в штаб. — Как тогда, с часовым на западном периметре?

— Нет, — ответила Лина, и её голос прозвучал напряжённо. — На этот раз сигнал не просто исчез. Он... изменился. Кто-то намеренно заглушил маяк. Словно его выключили изнутри.

Кай и Дрейк переглянулись. Выключить магический маяк изнутри было невозможно — по крайней мере, для обычного человека. Маяки были защищены от взлома, и только тот, кто знал их протоколы, мог их деактивировать. А протоколы знали только те, кто служил в Системе.

— Это Коллекторы, — мрачно произнёс Дрейк. — Они начали глушить нашу связь.

— Идём, — скомандовал Кай, хватая свой старый планшет. — Нужно проверить пост.

Южный пост номер семь находился на самом уязвимом участке периметра — там, где баррикады были наиболее ветхими и где охрана состояла всего из двух человек. Когда Кай и Дрейк добрались до него, они увидели то, чего и ожидали — и чего боялись.

Оба часовых были мертвы. Но в отличие от Аллара, их тела не были изуродованы ритуальными символами. Они просто лежали на земле — один у баррикады, другой в нескольких шагах позади, словно он пытался убежать, но не успел. Их оружие было при них, но не использовано. На лицах застыло выражение удивления — не ужаса, не боли, а именно удивления. Как будто они не поняли, что произошло, даже в момент смерти.

— Чистая работа, — мрачно констатировал Дрейк, осматривая тела. — Удары нанесены в сердце. Точные, без колебаний. Убийца подошёл к ним вплотную — на расстояние разговора. Они не ожидали атаки. Возможно, они знали нападавшего.

— Или думали, что знают, — добавил Кай, опускаясь на корточки рядом с телом первого часового. Он активировал «слепое зрение» и осмотрел ауру убитого. Она была тусклой, угасающей, но всё ещё различимой. И в ней, на самой границе восприятия, он увидел след. След чужеродной энергии — той самой, которую он помнил по битве с первым Коллектором в Пепельной Воронке. Холодной, безэмоциональной, механической энергии Системы.

— Они использовали «Процессоры», — произнёс он, выпрямляясь. — Не для связи — для маскировки. Они каким-то образом подделали свои ауры, чтобы выглядеть как обычные люди. Часовые не почувствовали угрозы, потому что не видели её.

— Значит, любой, кто подходит к посту, может оказаться Коллектором, — мрачно заключил Дрейк. — И мы не сможем отличить их, пока они не нанесут удар.

Кай не ответил. Он смотрел на тела часовых и думал о том, что сказал Дрейк. Если Коллекторы могли маскировать свои ауры, это меняло всё. Это означало, что они могли находиться где угодно — в лагере, среди беженцев, даже среди членов Совета. И никто не мог их распознать.

— Мы должны предупредить всех, — произнёс он наконец. — Никто не должен ходить в одиночку. Никто не должен открывать пост незнакомцам. Пока мы не найдём способ их выявлять, мы будем слепы.

— Это посеет панику, — возразил Дрейк. — Если люди узнают, что Коллекторы могут быть среди них, начнётся охота на ведьм. Каждый начнёт подозревать каждого. Это именно то, чего они добиваются.

— Я знаю, — ответил Кай, и его голос прозвучал глухо и безжизненно. — Но у нас нет выбора. Лучше паника сейчас, чем новые трупы завтра.

5

Паника началась раньше, чем Кай ожидал. Слухи о втором нападении разнеслись по лагерю быстрее, чем любой магический сигнал. К утру следующего дня у фонтана собралась толпа — не для того, чтобы набирать воду, а для того, чтобы требовать ответов. Люди кричали, размахивали руками, обвиняли друг друга. Кто-то требовал немедленно найти и казнить убийц. Кто-то предлагал изгнать всех чужаков, которые пришли в лагерь за последние дни. Кто-то, наоборот, обвинял Кая в том, что он не может защитить своих людей.

Кай стоял на обломке стены и смотрел на толпу. Его лицо, бледное и осунувшееся после бессонной ночи, было мрачным и сосредоточенным. Он знал, что должен что-то сказать. Что-то, что успокоит людей, не дав им ложных надежд. Что-то, что покажет им, что он контролирует ситуацию, даже если на самом деле не контролировал.

— Вы хотите знать, что происходит, — начал он, и его голос, усиленный акустикой площади, разнёсся над толпой. — Я скажу вам правду. Прошлой ночью были убиты двое наших людей. И за день до этого — ещё один. Убийцы — не случайные мародёры. Не Гуннар. Не «Внешние». Это Коллекторы — бывшие слуги Архитектора, которые ушли в подполье и теперь пытаются посеять страх среди нас.

По толпе пробежал шёпот. Кто-то ахнул. Кто-то выкрикнул проклятие.

— Они убивают не ради еды и не ради власти, — продолжил Кай. — Они убивают ради идеи. Они верят, что Система была благом, а её разрушение — преступлением. Они верят, что Архитектор был мучеником, а я — еретиком, который должен быть наказан. И они не остановятся. Пока мы не остановим их.

Он замолчал и обвёл взглядом толпу. Сотни глаз смотрели на него — испуганные, гневные, растерянные. Они ждали от него решения. Ждали, что он скажет им, что делать.

— Я не буду лгать вам, — произнёс он, и его голос стал тише. — Я не знаю, сколько их. Я не знаю, где их база. Я не знаю, когда они нанесут следующий удар. Но я знаю одно: мы не можем позволить им победить. Потому что если мы поддадимся страху — если мы начнём подозревать друг друга, изгонять чужаков, охотиться на ведьм, — мы сделаем за них их работу. Они хотят, чтобы мы разорвали себя изнутри. И мы не должны дать им этого.

Он указал на Лину, стоявшую у фонтана.

— Лина уже работает над тем, чтобы найти способ выявлять Коллекторов. Дрейк усиливает охрану. Арик и его разведчики прочёсывают руины. Мы делаем всё, что можем. Но нам нужна ваша помощь. Не паника — а бдительность. Если вы видите что-то подозрительное, докладывайте. Если вы знаете что-то, что может помочь, говорите. Но не обвиняйте друг друга без доказательств. Потому что каждый ложный донос — это удар по нашему единству. А единство — это единственное, что у нас есть.

Толпа затихла. Люди переглядывались, перешёптывались, но уже без прежней ярости. Кай видел, что его слова достигли цели — по крайней мере, частично. Они не успокоились полностью, но они перестали обвинять друг друга. И это было маленькой победой.

Но он также знал, что одной речи недостаточно. Пока Коллекторы были на свободе, страх оставался. И каждый новый труп делал этот страх сильнее.

Часть II. Кредо сломанных клинков

6

Поздней ночью, когда лагерь уснул — или, по крайней мере, попытался уснуть, несмотря на страх, — Лина всё ещё работала. Она сидела в штабном подвале, окружённая мониторами и магическими сенсорами, и её пальцы — и живые, и механические — порхали по клавиатуре с той скоростью, которую Кай всегда находил завораживающей. Она пыталась взломать старые каналы связи Коллекторов, те самые, которые были завязаны на Систему и которые, по идее, должны были отключиться после смерти Архитектора.

Но они не отключились. Лина обнаружила это два часа назад — и с тех пор не могла оторваться от экрана.

— Они перешли на децентрализованную сеть, — объяснила она, когда Кай вошёл в подвал и сел рядом. Её голос прозвучал устало, но в нём горел знакомый огонь аналитика. — Каждый «Процессор» работает как автономный узел. Без Архитектора, без Центральной Башни, без единого управляющего сигнала. Это... это почти гениально. Они не должны были суметь этого сделать — их протоколы не предусматривали автономную работу. Но они как-то перепрограммировали себя. Или их перепрограммировал кто-то другой.

— Кто? — спросил Кай.

— Я не знаю. Но у них есть лидер. Должен быть. Кто-то, кто знает старые протоколы настолько глубоко, что может модифицировать их. — Она замолчала и вывела на экран фрагмент зашифрованной передачи. — Посмотри на это. Я перехватила этот сигнал час назад. Он был направлен не на конкретный «Процессор», а в общий эфир — как широковещательное сообщение. Как... проповедь.

Она нажала кнопку, и из динамиков раздался голос. Он был искажён фильтрами, низкий и гулкий, но в нём слышалась та особая, властная уверенность, которую Кай помнил по допросам в старом участке. Так говорили те, кто верил в свою правоту без тени сомнения.

«...Свобода — это хаос, ведущий к гибели. Порядок — это единственное милосердие. Архитектор понимал это. Он принял тяжесть тирании, чтобы спасти человечество от самого себя. И за это его убили. Убили те, кому он дал жизнь. Те, кого он защищал. Мы были его мечом. Теперь мы будем его наследниками. Каждый, кто оскверняет его память, будет наказан. Каждый, кто служит Лже-Инквизитору, будет списан. Порядок вернётся. Таков протокол. Такова воля».

Запись оборвалась. В подвале воцарилась тишина. Кай смотрел на замерший экран и чувствовал, как внутри него разрастается холодная, свинцовая тяжесть. Это была не просто угроза. Это была декларация войны. Войны, которую объявили не люди, а идея. Идея, которую он сам когда-то разделял. Идея, что порядок превыше всего.

— «Лже-Инквизитор», — медленно повторил он. — Они имеют в виду меня.

— Да, — ответила Лина, и её голос прозвучал тихо и напряжённо. — И судя по контексту, они готовят что-то большее, чем просто убийства. Они хотят устроить показательный процесс. Суд. Как тот, который проводил Архитектор.

— Суд надо мной, — произнёс Кай, и это был не вопрос.

— Да.

Кай закрыл глаза и глубоко вздохнул. Перед его внутренним взором пронеслись образы: Аллар с вырезанным на груди символом Инквизиции; двое часовых, убитых во тьме; Архитектор, стоящий в Ядре и произносящий холодным, безжалостным голосом: «Ты просто батарейка для Вышки, дурак». И теперь его последователи хотели завершить то, что не удалось их хозяину. Они хотели судить Кая по законам мёртвой Системы и вынести приговор — окончательный, не подлежащий обжалованию.

— Мы должны найти их лидера, — произнёс он, открывая глаза. — Того, кто записал это сообщение. Если мы обезглавим змею, тело умрёт.

— Я пытаюсь отследить источник сигнала, — ответила Лина, снова поворачиваясь к монитору. — Но это сложно. Они используют ретрансляторы — старые узлы связи Системы, которые уцелели после «Форматирования». Сигнал перепрыгивает с одного на другой, и отследить его конечную точку почти невозможно.

— Но «почти» — это не «совсем», — заметил Кай. — Продолжай.

Лина кивнула и снова погрузилась в работу.

7

На следующее утро Кай созвал экстренное заседание Совета. Присутствовали все: Лина, Дрейк, Томас, Элиас, Бирма (которая всё ещё не покинула лагерь после принятия Кодекса), Вейл и несколько других представителей. Кай настоял на том, чтобы собрание было открытым — не на площади, как форум, но с допуском всех, кто хотел присутствовать. Он знал, что люди напуганы, и не хотел, чтобы они думали, что Совет скрывает от них правду.

— За последние два дня мы потеряли троих, — начал он, когда все расселись. Его голос, сорванный и хриплый, разнёсся по подвалу. — Аллар, член Совета, убит ритуально. Двое часовых убиты на посту. Убийцы — бывшие Коллекторы, которые объединились в секту и объявили нам войну. Они используют старые протоколы Системы как оружие и как идеологию. Их цель — не просто убивать, а посеять страх и заставить нас сомневаться друг в друге.

Он замолчал и дал Лине зачитать фрагменты перехваченной передачи. Когда голос лидера Коллекторов разнёсся по подвалу, многие побледнели. Томас сжал руку Элиаса так, что костяшки его пальцев побелели. Вейл, сидевшая в углу, закрыла глаза, словно пыталась справиться с подступающим гневом.

— Это война, — произнёс Дрейк, когда запись закончилась. Его голос прозвучал с холодной, безжалостной прямоотой. — Не холодная война, не политическое противостояние, а настоящая война. Война на уничтожение. И мы должны ответить соответственно.

— Что ты предлагаешь? — спросила Бирма, и её голос, низкий и скрипучий, прозвучал скептически.

— Тотальную мобилизацию, — ответил Дрейк. — Все, кто может держать оружие, становятся в строй. Все, кто не может — работают на оборону. Комендантский час с заката до рассвета. Тройное патрулирование по периметру. И главное — мы начинаем прочёсывать руины квартал за кварталом, пока не найдём их логово. А когда найдём — уничтожаем без суда и без пощады. Как они уничтожают нас.

— Это нарушение Кодекса, — тихо произнесла Вейл, и её голос прозвучал напряжённо. — Кодекс гарантирует право на суд. Даже врагам.

— Кодекс не предусматривал войну с фанатиками, которые хотят нас уничтожить! — резко ответил Дрейк. — Ты предлагаешь дать им адвокатов? Выслушать их аргументы? Они убьют нас, пока мы будем следовать букве закона!

— Если мы откажемся от закона, мы проиграем! — возразила Вейл, и её голос зазвенел. — Именно этого они и добиваются! Они хотят, чтобы мы стали такими же, как они, — чтобы мы начали убивать без суда, чтобы мы нарушали свои же принципы! Если мы сделаем это, они победят, даже если мы уничтожим их физически!

Спор разгорелся. Дрейк и его сторонники требовали жёстких мер. Вейл, Бирма и Томас настаивали на следовании Кодексу. Лина молчала, погружённая в данные. Кай слушал и ждал. Он знал, что должен принять решение — трудное, мучительное, но неизбежное.

Наконец он поднял руку, и спор стих.

— Вы оба правы, — произнёс он, и его голос прозвучал спокойно и твёрдо. — Дрейк прав в том, что мы на войне. Вейл права в том, что мы не можем отказаться от своих принципов. Но между тотальной войной и бездействием есть третий путь.

Он встал и обвёл взглядом собравшихся.

— Мы будем защищать себя. Мы усилим охрану, введём патрулирование и начнём поиск базы Коллекторов. Но мы не будем убивать без суда. Каждый захваченный Коллектор — если мы сможем захватить его живым — будет судим по Кодексу. С правом на защиту, с правом на свидетелей, с правом на обжалование. Мы докажем им — и всем, кто сомневается, — что наш закон работает. Что он сильнее их ненависти.

— А если они не сдадутся? — резко спросил Дрейк. — Если они будут сопротивляться до конца?

— Тогда мы будем вынуждены применить силу, — ответил Кай, и его голос стал жёстче. — Но это будет сила, применённая в рамках закона. Не месть. Не расправа. А защита. И когда мы победим — а мы победим, — мы сможем сказать, что не стали ими.

Дрейк долго молчал, обдумывая его слова. Затем он медленно, словно каждое слово давалось ему с огромным трудом, произнёс:

— Я не согласен с тобой. Я считаю, что ты рискуешь нашими жизнями ради принципов, которые они не оценят. Но ты лидер. Я принимаю твоё решение. — Он замолчал и посмотрел на Кая с выражением, которое трудно было расшифровать. — Но если ты ошибаешься — если твоя мягкость приведёт к новым смертям, — я скажу тебе: «Я же говорил». И тогда мы будем действовать по-моему.

— Справедливо, — ответил Кай.

8

Вторая половина дня прошла в лихорадочной подготовке. Дрейк, смилившись с решением Совета, но не изменив своего мнения, взял на себя организацию обороны. Он разбил лагерь на сектора, назначил ответственных за каждый, ввёл систему патрулей и сигналов тревоги. Люди ворчали — никто не любил, когда его свободу ограничивали, — но подчинялись. Потому что страх перед Коллекторами перевешивал недовольство.

Лина продолжала работу над расшифровкой сигналов. К вечеру ей удалось сделать небольшой, но важный прорыв: она определила примерный район, из которого исходила перехваченная передача. Это была старая серверная в восточной части Пепельной Воронки — одно из тех мест, которые «Форматирование» не стёрло полностью, но и не пощадило. Разрушенный, затопленный подвал, в который не рисковали заходить даже мародёры.

— Я не могу сказать точно, что это их база, — предупредила Лина, показывая Каю карту. — Сигнал мог быть ретранслирован оттуда. Но это единственная зацепка, которая у нас есть.

— Значит, мы идём туда, — ответил Кай.

— Это может быть ловушка.

— Скорее всего, это ловушка. — Кай посмотрел на карту и почувствовал, как его каменная левая рука сжимается в кулак. — Но у нас нет выбора. Мы должны выяснить, с кем имеем дело.

— Тогда я иду с тобой, — твёрдо произнёс Дрейк, входя в штаб.

— И я, — добавил Арик, появляясь следом. — Мои разведчики уже на позициях. Мы готовы.

— И я, — раздался тихий голос от двери.

Все обернулись. В дверях стоял Шнырь. Его левая рука была на перевязи — рана, полученная при нападении Коллектора, всё ещё заживала, — но его лицо, бледное и осунувшееся, выражало ту особую, несвойственную ему решимость, которая появлялась у него только в самые важные моменты. Он сжимал в правой руке свой жетон с надписью «НАДЕЖДА», и костяшки его пальцев побелели от напряжения.

— Нет, — резко ответил Кай. — Ты ранен. Ты останешься здесь.

— Я не останусь, — возразил Шнырь, и его голос, тонкий и мальчишеский, прозвучал с неожиданной твёрдостью. — Они пытались убить меня. Они убили господина Аллара. Они убили часовых. Если вы идёте туда, я иду с вами.

— Это опасно.

— Я знаю, что опасно. Я не ребёнок, господин Кай. Я перестал быть ребёнком в тот день, когда Архитектор пытался стереть вас из реальности.

Кай долго молчал, глядя на Шныря. Он видел перед собой не того испуганного мальчишку, который когда-то пришёл к нему в подворотне с обрывком пиратского свитка, а молодого мужчину, закалённого потерями и битвами. Человека, который имел право на свою ярость — и на свою месть.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Но ты держись рядом со мной. Никакой самодеятельности. Приказ понят?

— Понят, — ответил Шнырь, и в его голосе прозвучало облегчение.

Часть III. Гнездо

9

Выдвинулись затемно, когда лагерь ещё не проснулся. Отряд состоял из шести человек: Кай, Дрейк, Арик, Шнырь и двое лучших разведчиков Ноль, которых предоставила Вейл. Каждый взял с собой минимум снаряжения — оружие, воду, аварийные маяки. Никакой магии — Лина предупредила, что «Процессоры» Коллекторов могут засечь активные заклинания на большом расстоянии.

Они шли через руины восточной части Пепельной Воронки, огибая зоны серой пустоты. Ночь была тёмной и беззвёздной — тучи, которые собирались над городом уже которую неделю, наконец закрыли небо полностью. Где-то вдалеке глухо рокотал гром, и этот звук, смешиваясь с воем ветра в разрушенных зданиях, создавал жуткую, тревожную симфонию. Воздух был холодным и влажным, пах дымом и сыростью.

Арик шёл впереди, сверяясь с картой, которую Лина загрузила в его планшет. Дрейк замыкал отряд, и его аура, которую Кай чувствовал через «слепое зрение», пульсировала ровным, спокойным огнём. Шнырь шёл рядом с Каем, и его правая рука сжимала короткий клинок, который он где-то раздобыл. Кай видел, что мальчишка — теперь уже юноша — напряжён, но не напуган. Скорее, сосредоточен. Как солдат перед боем.

— Мы приближаемся, — тихо произнёс Арик, останавливаясь у входа в старый тоннель. — Серверная в двух сотнях метров отсюда, внизу. Если они там, они уже знают, что мы идём.

— Пусть знают, — ответил Дрейк, и в его голосе прозвучала холодная, безжалостная решимость. — Мы не прячемся. Мы пришли за ними.

— Мы не знаем, сколько их, — напомнил Кай. — Если их больше, чем нас, мы отступаем. Без героизма. Наша задача — разведка, а не самоубийство.

— Разведка с возможностью ликвидации, — уточнил Дрейк.

— Разведка с возможностью выживания, — твёрдо ответил Кай.

Они спустились в тоннель. Внутри было темно и сыро, и пахло плесенью и ржавчиной. Стены были покрыты старыми рунами Первых Магов — теми самыми, которые светились в катакомбах и подвалах. Но здесь они были тусклыми, едва различимыми, словно их энергия почти иссякла. Это было плохим знаком. Руны угасали только в местах, где реальность была повреждена — или где присутствовало нечто чуждое.

— Я чувствую их, — тихо произнёс Кай, активируя «слепое зрение». — Не физически. А... как эхо. Они используют «Процессоры» на полную мощность. Это создаёт помехи в магическом поле.

— Сколько? — спросил Дрейк.

— Трудно сказать. Но больше, чем я ожидал. Гораздо больше.

Они продвинулись глубже. Тоннель вёл к массивной металлической двери, которая когда-то была герметичной, но теперь покорёженной и полуоткрытой. За ней находилось огромное подземное помещение — бывшая серверная Системы, одна из многих, разбросанных под городом. Когда-то здесь гудели мана-процессоры, обрабатывая данные миллионов граждан. Теперь здесь царила тьма, нарушаемая только слабым, пульсирующим светом — не золотистым, как руны, и не бледно-голубым, как магия Системы, а каким-то болезненным, зеленоватым, как гниющая плоть.

Кай жестом приказал отряду остановиться. Они спрятались за обломком рухнувшей колонны и стали наблюдать.

То, что они увидели, было одновременно жутким и завораживающим. В центре серверной, вокруг старого, полуразрушенного мана-ядра, стояли на коленях около дюжины фигур. Они были одеты в рваные остатки форм Коллекторов — те самые серые мундиры с имплантированными в ткань магическими схемами. Но сами мундиры были изуродованы, перешиты, покрыты символами и надписями на старом языке протоколов. Некоторые Коллекторы были без масок, и Кай увидел их лица — измождённые, покрытые шрамами и язвами, со следами старых имплантов, которые теперь гноились и воспалялись без обслуживания Системы. Это были не элитные киборги, какими Кай запомнил их по битве у источника. Это были сломанные, больные люди. И от этого они становились ещё опаснее — потому что им нечего было терять.

В центре круга стоял человек, которого Кай никогда раньше не видел. Он был высоким и тощим, с лицом, наполовину скрытым металлической маской — старым имплантом, который когда-то служил для связи с Системой, а теперь был переделан во что-то вроде ритуального головного убора. Его глаза — единственное, что было видно под маской, — горели холодным, фанатичным огнём. Он держал в руках толстую книгу, переплетённую в старую кожу, и читал из неё вслух — монотонно, ритмично, словно жрец на литургии.

— «Ибо свобода есть хаос, а хаос есть смерть, — произносил он, и его голос, искажённый маской, разносился по серверной. — Ибо порядок есть жизнь, а жизнь есть служение. Ибо Архитектор принял грех тирании, чтобы спасти недостойных. И недостойные убили его. Но мы — Его Наследники — не забудем. Не простим. Не остановимся, пока последний еретик не будет списан».

— Это он, — прошептал Арик, и его голос дрогнул. — Тот, кто записал сообщение.

— Цензор, — добавил Кай, вспоминая старую терминологию Системы. Так называли высших инквизиторов, которые имели право выносить окончательные приговоры. — Он называет себя Цензором.

— Сколько их? — спросил Дрейк, оценивая обстановку.

— Я насчитал двенадцать в круге, — ответил Арик. — Плюс, возможно, охрана у входа. Но здесь могут быть и другие помещения. Мы не знаем, сколько их всего.

— Двенадцать против шестерых, — мрачно заключил Дрейк. — Плохие шансы.

— Мы не будем атаковать, — твёрдо произнёс Кай. — По крайней мере, не сейчас. Мы получили то, за чем пришли: информацию. Теперь мы знаем, где их база, знаем их численность, знаем их лидера. Отступаем и докладываем Совету.

— Отступаем? — резко спросил Дрейк, и в его голосе прозвучала ярость. — Мы здесь, в двух шагах от них! Если мы уйдём сейчас, они могут сменить базу! Мы потеряем их!

— Если мы атакуем сейчас, мы умрём, — возразил Кай. — И тогда лагерь останется без защиты. Ты готов пойти на этот риск?

Дрейк хотел возразить, но осёкся. Он знал, что Кай прав. Знал, но не хотел принимать. Его аура пульсировала от ярости — той самой, которую он всегда сдерживал с огромным трудом.

— Хорошо, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал как скрежет металла. — Мы уходим. Но завтра мы вернёмся. С отрядом. И тогда...

Он не закончил. Потому что в этот момент один из Коллекторов в круге внезапно поднял голову и посмотрел прямо в их сторону. Его глаза — пустые, безжизненные, горящие тем же зеленоватым светом, что и мана-ядро, — встретились с глазами Кая.

— Нас засекли! — крикнул Арик.

— К бою! — рявкнул Дрейк, выхватывая меч.

10

Коллекторы атаковали не так, как обычные люди. Они не кричали, не бежали, не размахивали оружием. Они просто встали со своих мест — одновременно, как по команде, — и двинулись в сторону отряда. Их движения были механическими, лишёнными человеческой плавности, но при этом невероятно быстрыми и точными. Имплантированные клинки выдвинулись из их предплечий, засветившись тем же болезненным зелёным светом.

Дрейк встретил первую волну атакующих. Его меч, старый и тяжёлый, столкнулся с клинком Коллектора, и от удара во все стороны полетели искры. Дрейк был силён — его тело, закалённое десятилетиями в качестве аватара, двигалось с неестественной скоростью и мощностью. Но Коллекторы были сильны по-другому. Они не чувствовали боли. Не колебались. Не отступали. Они просто продолжали атаковать — молча, безэмоционально, как машины.

Арик и двое разведчиков заняли позиции по бокам, пытаясь отсечь Коллекторов, которые заходили с флангов. Арик стрелял из арбалета — не магическими зарядами, а обычными болтами с наконечниками из рунной стали, которые могли пробить даже имплантированную броню. Один из Коллекторов упал с болтом в шее, но даже на земле продолжал двигаться, пытаясь дотянуться до врага.

Шнырь сражался рядом с Каем. Его короткий клинок мелькал в темноте, отражая удары, но его раненое плечо явно мешало ему. Кай несколько раз прикрывал его, принимая удары на свой собственный клинок — старый инквизиторский меч, который он носил с собой со времён патрулей в Пепельной Воронке.

— Их слишком много! — крикнул Арик, перезаряжая арбалет. — Нужно отступать!

— Нельзя отступать! — ответил Дрейк, разрубая одного из Коллекторов пополам. — Они догонят нас в тоннеле!

Кай понимал, что Дрейк прав. Отступление в узком тоннеле было бы самоубийством — Коллекторы, не знавшие усталости, просто догнали бы их и перебили поодиночке. Но и оставаться здесь было нельзя. С каждой минутой врагов становилось больше — новые фигуры выходили из боковых коридоров, окружая отряд.

И тогда Кай сделал то, чего не делал со времён битвы с Архитектором. Он активировал свой «нуль» на полную мощность.

Мир изменился. Он больше не видел серверную, не видел Коллекторов, не видел своих соратников — он видел только энергию. Потоки маны, которые текли через «Процессоры» врагов, связывая их в единую сеть. И в центре этой сети, как паук в паутине, пульсировал Цензор. Его «Процессор» был самым мощным, самым ярким — и самым уязвимым.

Кай шагнул вперёд, и «нуль», его личная пустота, начал расширяться. Он не атаковал Коллекторов — он атаковал их связь. Их протоколы. Их сеть. «Нуль» врезался в паутину, и она начала рваться. Коллекторы, которые только что атаковали слаженно и организованно, внезапно замерли. Их движения стали хаотичными, рассогласованными. Один из них врезался в стену. Другой упал на колени, хватаясь за голову — вернее, за имплант, который заменял ему часть головы.

— Что ты делаешь?! — крикнул Дрейк, не понимая происходящего.

— Разрываю их связь! — ответил Кай, и его голос прозвучал напряжённо. Боль пульсировала в каменной левой руке — «нуль» требовал всё больше и больше энергии. — Уходите! Сейчас!

— Мы не оставим тебя!

— Я догоню! Уходите!

Дрейк колебался лишь мгновение. Затем он схватил Шныря за шиворот и потащил его к выходу. Арик и разведчики последовали за ними, прикрывая отступление. Кай остался один — в окружении дезориентированных, но всё ещё опасных Коллекторов.

Он расширил «нуль» ещё сильнее, и связь между «Процессорами» окончательно рухнула. Коллекторы, лишённые координирующего сигнала, начали падать один за другим. Их тела дёргались в конвульсиях, импланты искрились, из-под масок вырывались стоны — первые человеческие звуки, которые Кай слышал от них за всё время боя.

Цензор, стоявший в центре круга, остался на ногах. Его «Процессор» был достаточно мощным, чтобы выдержать атаку «нуля». Он смотрел на Кая, и в его глазах, горящих под металлической маской, не было ни страха, ни ярости. Только холодное, безжалостное любопытство.

— Ты, — произнёс он, и его голос, искажённый маской, прозвучал почти благоговейно. — Лже-Инквизитор. Тот, кто убил Архитектора. Я ждал этой встречи.

— Я не Лже-Инквизитор, — ответил Кай, с трудом удерживая «нуль» от полного истощения. — Я — Кай. И я здесь не для того, чтобы говорить.

— Говорить? — Цензор издал звук, похожий на смех. — Конечно, нет. Ты здесь, чтобы убивать. Как ты убил Архитектора. Как ты убил его Систему. Как ты убил всё, что он построил. — Он шагнул ближе, и его клинок, встроенный в предплечье, засветился ярче. — Но ты ошибаешься, если думаешь, что можешь убить Идею. Порядок не умирает. Его можно только временно подавить. И мы — Его Наследники — вернём его. С тобой или без тебя.

Он атаковал. Его скорость была нечеловеческой — быстрее, чем любой из Коллекторов, с которыми Кай сражался раньше. Клинок просвистел в сантиметре от горла Кая, и только инстинкты, отточенные годами службы, спасли его от мгновенной смерти. Он отскочил в сторону и попытался контратаковать, но Цензор был слишком быстр. Его тело, усиленное имплантами, двигалось с неестественной, прерывистой грацией — как у куклы, управляемой невидимой рукой.

— Ты слаб, — произнёс Цензор, уклоняясь от удара Кая. — Архитектор был прав, когда говорил, что люди не готовы к свободе. Посмотри на себя: ты, который убил бога, теперь не можешь справиться с его слугой. Ты — ничто без своей пустоты. А пустота... пустота не бесконечна.

Он снова атаковал, и на этот раз Кай не успел увернуться. Клинок Цензора полоснул его по правому плечу — неглубоко, но достаточно, чтобы рука онемела от боли. Кай отшатнулся, роняя меч, и правая рука повисла плетью.

— Вот и всё, — тихо произнёс Цензор, подходя ближе. — Конец Лже-Инквизитора. Ты будешь судим по протоколам Архитектора. И твоя смерть станет началом новой Эры Порядка.

Он занёс клинок для финального удара.

И в этот момент из темноты вылетел Шнырь.

Он бросился на Цензора сбоку, врезавшись в него всем телом. Его клинок, короткий и тусклый, сверкнул в зеленоватом свете мана-ядра и вонзился в незащищённое место между пластинами брони. Цензор закричал — не механическим голосом, а человеческим, полным боли и ярости. Он отшвырнул Шныря в сторону ударом свободной руки, и мальчишка отлетел к стене, ударившись головой о камень. Но его удар достиг цели: Цензор пошатнулся, и его клинок дрогнул.

Этой секунды хватило Каю. Он подхватил меч левой — каменной — рукой и, превозмогая боль, вонзил его в грудь Цензора. Имплантированная броня хрустнула, и клинок вошёл глубоко — туда, где, по данным Лины, находился «Процессор». Цензор замер. Его глаза под маской расширились, и зеленоватый свет в них начал тускнеть.

— Ты... ты не победил, — прохрипел он, оседая на землю. — Порядок... вернётся...

— Возможно, — ответил Кай, вытаскивая меч. — Но не сегодня.

Цензор рухнул на пол. Его тело дёрнулось несколько раз и затихло. В серверной воцарилась тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием Кая и стонами раненых Коллекторов.

11

Кай опустился на колени рядом со Шнырём. Мальчишка лежал у стены, и его лицо, бледное и покрытое кровью из раны на лбу, было безжизненным. На мгновение Каю показалось, что он мёртв, — и сердце пропустило удар. Но затем Шнырь застонал и открыл глаза.

— Господин... Кай... — прошептал он. — Вы в порядке?

— Я в порядке, — ответил Кай, и его голос дрогнул. — Благодаря тебе. Ты спас меня.

— Вы спасали меня... много раз... — слабо усмехнулся Шнырь. — Я просто... вернул долг...

Он потерял сознание.

В серверную вбежал Дрейк. Его лицо, покрытое шрамами, было искажено тревогой и яростью одновременно. За ним следовали Арик и разведчики.

— Ты жив! — воскликнул Дрейк, и в его голосе прозвучало облегчение. — Святая Пустота, ты жив!

— Жив, — подтвердил Кай, с трудом поднимаясь на ноги. Его правая рука висела плетью, и боль в плече пульсировала в такт сердцу. Но он был жив. И Шнырь был жив. И это было единственное, что сейчас имело значение. — Цензор мёртв. Остальные... я не знаю. Некоторые живы, но без сознания.

— Мы берём их в плен, — твёрдо произнёс Дрейк, и это был не вопрос.

— Да, — ответил Кай. — Всех, кого можно. Они предстанут перед судом. Как мы и решили.

Дрейк посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Затем он медленно, словно каждое слово давалась ему с огромным трудом, произнёс:

— Ты только что чуть не умер. И всё равно говоришь о суде.

— Да, — ответил Кай. — Потому что если я перестану говорить о суде, Цензор победит. Даже мёртвый.

Дрейк хотел возразить, но осёкся. Он знал, что Кай прав. Знал, потому что сам был тому примером. Бывший аватар, который когда-то мечтал только о мести, а теперь защищал закон, — он понимал разницу между справедливостью и расправой лучше, чем кто-либо.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Мы берём их в плен. Но если они попытаются сопротивляться...

— Тогда мы будем защищаться, — закончил Кай. — Но не больше.

Часть IV. Суд над теньми

12

Пленных доставили в лагерь под усиленным конвоем. Их было пятеро — все, кто выжил после разрыва связи между «Процессорами». Они были изранены, дезориентированы и напуганы. Без координирующего сигнала Цензора они перестали быть машинами для убийства и снова стали людьми — сломанными, больными, но людьми. Кай настоял на том, чтобы им оказали медицинскую помощь. Некоторые раненые ворчали, но подчинились — потому что Кодекс требовал гуманного обращения с пленными, и Кай не собирался нарушать свой же закон.

Новость о разгроме базы Коллекторов разнеслась по лагерю быстро. Люди выходили на улицы, смотрели на пленных, перешёптывались. Кто-то выкрикивал проклятия и требовал немедленной казни. Кто-то, наоборот, плакал — от облегчения. Но большинство просто смотрели. И в их взглядах было что-то новое. Что-то, похожее на... уважение? Или, возможно, на осторожную надежду.

— Ты сделал это, — тихо произнесла Лина, когда Кай вернулся в штабной подвал. Её лицо, бледное и осунувшееся после нескольких дней непрерывной работы, выражало облегчение и тревогу одновременно. — Ты уничтожил их базу.

— Мы уничтожили, — поправил Кай, опускаясь на перевёрнутый ящик. Его правая рука всё ещё болела, но Лина уже наложила повязку и сказала, что рана не опасна — мышцы задеты, но кость цела. — Шнырь спас меня. Если бы не он...

Он замолчал, не в силах закончить фразу.

— Шнырь — герой, — произнесла Лина, и в её голосе прозвучала теплота. — Он всегда был героем. Просто никто этого не замечал.

— Я замечал, — тихо ответил Кай. — Я всегда замечал.

13

Суд над пленными Коллекторами состоялся через день. Кай настоял на том, чтобы он был открытым — на центральной площади, при всём народе. Тот же фонтан, те же ящики, тот же холодный осенний воздух. Но теперь атмосфера была иной. Люди, которые ещё вчера требовали казни, теперь стояли молча и слушали.

Пленных было пятеро. Все они выглядели измождёнными и сломленными. Без имплантов, которые Лина деактивировала, они казались меньше и уязвимее — не элитные киборги, а просто люди. Один из них, самый молодой, всё время плакал. Другой смотрел перед собой пустыми, невидящими глазами. Третий дрожал, хотя воздух был не холодным.

Кай выступал первым. Он рассказал о том, что они обнаружили в серверной: о ритуалах, о проповедях, о планах Цензора. Он показал запись перехваченной передачи — ту самую, в

которой голос Цензора объявлял войну всему живому. Он назвал имена убитых — Аллар, двое часовых, — и имена тех, кто мог бы быть убит, если бы база не была уничтожена.

Затем слово дали пленным. Большинство из них молчали — они были слишком сломлены, чтобы говорить. Но один, мужчина лет тридцати, с лицом, покрытым старыми шрамами, попросил слова. Его звали Эран. Это был тот самый Коллектор, который, по словам выживших, пытался бежать от Цензора, но был пойман и превращён в живую бомбу — бомбу, которую обезвредила Лина.

— Я не прошу пощады, — тихо произнёс он, и его голос, сорванный и хриплый, разнёсся по площади. — Я знаю, что я делал. Я убивал. Я выполнял приказы. Сначала — Архитектора, потом — Цензора. Я думал, что это правильно. Я думал, что порядок — это единственное, что спасает нас от хаоса. Но теперь... — он замолчал и закрыл глаза. — Теперь я вижу, к чему это привело. К смертям. К безумию. К тому, что мы стали зверями, а не защитниками. Я заслуживаю наказания. Я принимаю его. Но я хочу, чтобы вы знали: не все из нас были фанатиками. Некоторые просто боялись. Боялись свободы. Боялись того, что будет, если Система падёт. И за этот страх мы платим теперь.

Он замолчал и опустил голову. По толпе пробежал шёпот — смесь сочувствия, гнева и сомнения. Кто-то выкрикнул: «Казнить!» Кто-то, наоборот, требовал помилования.

Кай поднял руку, призывая к тишине.

— Мы не будем казнить, — произнёс он, и его голос разнёсся по площади. — Не потому, что они не заслуживают наказания, а потому, что мы не убиваем пленных. Таков наш закон. Таков наш Кодекс. И если мы нарушим его сейчас, мы докажем, что ничем не отличаемся от них.

Он обвёл взглядом толпу, затем Совет.

— Эран и остальные пленные будут приговорены к тюремному заключению с обязательными работами. Они будут восстанавливать то, что разрушили их сообщники: ремонтировать стены, чинить водопровод, помогать беженцам. Их будут охранять, но с ними будут обращаться как с людьми — не как с животными. И если кто-то из них попытается бежать или снова навредить — тогда наказание будет более суровым. Но сейчас мы даём им шанс. Шанс на искупление. Потому что милосердие — это не слабость. Это то, что отличает нас от Архитектора.

Толпа затихла. Затем кто-то начал аплодировать — сначала робко, затем громче. Аплодисменты разрослись, как волна, и в них слышалось не просто одобрение — слышалось облегчение. Облегчение от того, что их лидер не стал убийцей. Что их закон выстоял. Что их Кодекс был не просто словами.

14

Вечером, когда солнце село и площадь опустела, Кай сидел у фонтана и смотрел на воду. Рядом с ним, как всегда, была Лина. Они молчали. Всё, что можно было сказать, уже было сказано. Всё, что можно было сделать, уже было сделано.

— Ты поступил правильно, — тихо произнесла Лина наконец. — С пленными. Суд был справедливым.

— Я надеюсь, — ответил Кай. — Но Цензор мёртв, а его последователи всё ещё живы. Мы уничтожили одну ячейку. Но что, если есть другие?

— Мы найдём их, — твёрдо произнесла Лина. — Мы всегда находим.

Кай не ответил. Он смотрел на воду и думал о словах Цензора, сказанных перед смертью: «Порядок вернётся». Возможно, он был прав. Возможно, борьба между свободой и порядком никогда не закончится. Но пока Кай был жив, он будет бороться за то, чтобы этот порядок был справедливым. Не таким, как у Архитектора. Не таким, как у Цензора. А таким, каким его хотели видеть люди — свободные люди, которые сами выбирали свою судьбу.

Он достал из сумки Грегора старый значок Инквизиции и посмотрел на него. Весы, уравновешенные мечом. Справедливость и сила. Два принципа, которые можно было использовать для угнетения — или для защиты. Всё зависело от того, кто держал меч.

— Завтра мы начнём искать другие ячейки, — произнёс он, убирая значок обратно. — И мы будем судить их так же, как судили этих. По закону. По справедливости.

— Это будет долгая война, — заметила Лина.

— Да, — согласился Кай. — Но это наша война. И мы будем вести её по-нашему.

Он встал и в последний раз посмотрел на спящий лагерь. Звёзды наконец пробились сквозь тучи, и их свет отражался в воде фонтана, как в зеркале. Где-то там, в руинах, всё ещё прятались враги. Они ждали своего часа. Но теперь у Кая была уверенность — та самая, которую он почти потерял за последние дни. Уверенность в том, что его путь верен. Что его Кодекс работает. Что справедливость возможна — даже в этом разрушенном мире.

Он повернулся и направился к штабу. Завтра будет новый день. И новая битва. Но он был готов.

Конец главы

Глава 2. Потеря Лины

Часть I. Цена бдительности

I

Утро началось не с холода, не с криков и не с дождя. Оно началось с тишины — той особой, обманчивой тишины, которая наступает после бури, когда мир замирает, ещё не зная, что следующая буря уже на подходе. Кай проснулся на своём обычном месте, на обломке стены у фонтана, и первые несколько секунд просто лежал, глядя в серое небо, которое наконец-то начали покидать тяжёлые, набухшие влагой тучи. Сквозь рваные прорехи в облаках проглядывали бледные лучи утреннего солнца, и они, падая на мокрый после ночной измороси камень, создавали на площади причудливую мозаику из света и тени.

Его каменная левая рука, как всегда по утрам, покоилась на груди мёртвым грузом. За ночь она остыла настолько, что ткань рубашки вокруг неё покрылась тонкой корочкой инея, которая теперь, под первыми лучами солнца, начинала таять, оставляя на серой ткани влажные разводы. Кай машинально, почти неосознанно, потёр плечо правой рукой — привычный жест, ставший за эти недели таким же естественным, как дыхание, как биение сердца, как само ощущение жизни, которая теплилась в нём вопреки всему. Боль в плече, тупая и ноющая, никуда не ушла — она стала его постоянным спутником, молчаливым напоминанием о «Аресте Вечности», о битве в Центральной Башне, о цене, которую он заплатил за свою свободу и свободу других. Но он научился жить с ней. Как научился жить со всем остальным: с памятью о Грегоре, чья старая кожаная сумка всё ещё висела у него на поясе; с призраком Архитектора, чьи последние слова всё ещё звучали в его голове в самые тёмные часы ночи; с грузом ответственности, который давил на плечи тяжелее любого обсидиана.

Он сел и медленно, преодолевая утреннюю скованность в затёкших от сна мышцах, оглядел площадь. Лагерь просыпался. Не так, как просыпался неделю назад — с паникой и страхом, — а иначе. Медленнее. Спокойнее. В движениях людей, которые выбирались из-под рваных тентов, кутались в обрывки одежды, разводили костры и выстраивались в очередь к фонтану за утренней водой, появилось что-то новое. Не уверенность — до уверенности было ещё далеко, — но что-то, похожее на осторожную, хрупкую надежду.

Суд над Коллекторами, состоявшийся вчера, изменил атмосферу в лагере. Люди видели, как их лидер — человек, которого они называли Нулевым Инквизитором, — не поддался на требования толпы и не казнил пленных. Они видели, как он судил врагов по закону, который сам же и создал вместе с ними. Они видели, как пленные, сломленные и жалкие, стояли перед Советом и признавали свою вину. И они видели, как Кай, вместо того чтобы раздавить их, дал им шанс на искупление. Это было непривычно. Это было странно. Это шло вразрез со всем, чему их учила Система — что врагов нужно уничтожать, что предателей нужно карать, что милосердие есть слабость. И именно эта непривычность, эта странность, эта новая логика справедливости, а не мести, заставила их поверить. Или, по крайней мере, захотеть поверить.

Кай смотрел на людей и чувствовал, как внутри него, где-то глубоко под слоями усталости, боли и памяти, шевелится что-то тёплое. Что-то, что он почти забыл за последние недели. Гордость. Не за себя — за них. За людей, которые прошли через ад и не сломались. За людей, которые, несмотря на всё, что с ними сделали, всё ещё были способны выбирать добро, а не зло. За людей, которые, возможно, только возможно, могли построить что-то новое на руинах старого мира.

— Ты опять не спал.

Голос Лины прозвучал неожиданно близко, хотя Кай должен был ожидать его. Она всегда приходила в это время — на рассвете, когда лагерь ещё только просыпался и у них было несколько драгоценных минут тишины до того, как начнётся очередной бесконечный день, полный проблем, требующих решения, и кризисов, требующих вмешательства. Но сегодня в её голосе было что-то иное. Не просто усталость, к которой Кай уже привык. Не просто сухая, аналитическая отстранённость, которая была её защитным механизмом. А что-то более глубокое. Что-то, похожее на... тревогу? Напряжение? Предчувствие?

Он обернулся. Лина стояла в нескольких шагах позади него у фонтана, и её вид заставил его внутренне похолодеть. Она выглядела хуже, чем когда-либо. Её лицо, всегда бледное, теперь было почти белым, с сероватым оттенком, который говорил о том, что она не спала не одну, а, возможно, несколько ночей подряд. Тёмные круги под глазами — единственным живым глазом, второй был скрыт за красной линзой, — стали глубже и темнее, превратившись в настоящие провалы, как у тяжелобольного человека. Её механическая рука, обычно гудящая в фоновом режиме с ровным, успокаивающим звуком, сейчас работала на повышенных оборотах, и гул был громче, напряжённее, словно она выжимала из своих имплантов последние резервы. Красная линза вращалась быстрее обычного, сканируя пространство с той маниакальной интенсивностью, которая появлялась у Лины только в моменты наивысшей концентрации — или наивысшей опасности.

— Ты тоже, — ответил Кай, хотя это было очевидно до абсурда. — Лина, ты вообще спала этой ночью?

— Спала, — коротко ответила она, но в её голосе не было убеждённости. — Два часа. Может, три. Я не помню точно. Время... время как-то смазалось.

— Лина...

— Не начинай, Кай, — резко, почти грубо перебила она его, и в этой резкости было больше тревоги, чем раздражения. — Я знаю, что ты хочешь сказать. Что я должна отдыхать. Что я не машина. Что я загнала себя до предела. Дрейк мне это уже говорил. Ты мне это уже говорил. Я всё это знаю. Но я также знаю, что у нас нет времени на отдых. Потому что то, что я обнаружила этой ночью, не может ждать.

Она активировала свой портативный монитор — старый, побитый, с треснутым экраном, который она собрала из обломков и который работал на последних запасах магической энергии, — и развернула его так, чтобы Кай мог видеть данные. На экране была карта Пепельной Воронки, исчерченная красными и жёлтыми маркерами, которые обозначали что-то, чего Кай не мог понять с первого взгляда.

— Я закончила анализ «Процессоров», изъятых у пленных Коллекторов, — начала Лина, и её голос стал сухим, деловым, профессиональным — тем голосом, которым она всегда говорила, когда обсуждала данные. — Тех самых, которые мы добыли в серверной два дня назад. Я сравнила их частоты, их сигнатуры, их протоколы связи. И я обнаружила кое-что. Кое-что, что меня тревожит. Очень тревожит.

— Что именно? — спросил Кай, чувствуя, как внутри него разрастается холодная, знакомая тяжесть предчувствия беды.

Лина провела пальцем по экрану, увеличивая фрагмент карты. Это был сектор в северо-восточной части Пепельной Воронки — район, который Кай знал плохо. Там, до «Форматирования», находились старые административные здания, которые теперь были почти полностью уничтожены.

— Цензор, — произнесла Лина, и в её голосе прозвучала холодная, аналитическая ярость, — был не один. Я изначально предполагала, что он мог быть лидером всей сети, но данные опровергают это. «Процессоры» пленных были настроены на два разных управляющих сигнала. Один — от Цензора, тот самый, который ты разорвал своим «нулём» в серверной. Но второй... второй сигнал продолжал поступать даже после того, как Цензор был убит. Он шёл из другого источника. Из другой ячейки. Которая всё ещё активна.

Кай похолодел. Он помнил слова Цензора, сказанные перед смертью: «Порядок не умирает. Его можно только временно подавить. И мы — Его Наследники — вернём его». Тогда он подумал, что это была предсмертная бравада, последняя вспышка фанатизма перед тем, как тьма поглотила его. Но слова Лины заставляли его пересмотреть эту оценку. Если существовала вторая ячейка — более скрытая, более осторожная, не раскрывшая себя даже во время разгрома серверной, — тогда угроза была далеко не устранена. Она просто затаилась. И ждала своего часа.

— Ты можешь отследить источник этого второго сигнала? — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

— Я пыталась, — ответила Лина, и в её голосе прозвучала досада. — Но он зашифрован лучше, чем у Цензора. Значительно лучше. Тот, кто его посылает, понимает, что мы можем перехватывать их каналы связи. Он использует многоуровневое шифрование, ретрансляцию через несколько узлов и... — она замолчала и провела рукой по лицу, — ...и что-то, чего я не могу идентифицировать. Какой-то новый протокол, которого не было в стандартной конфигурации Системы. Как будто они... эволюционируют. Адаптируются к нашим методам.

В этот момент в штабной подвал вошёл Дрейк. Его появление было, как всегда, бесшумным для человека его габаритов — сказывались годы тренировок в качестве аватара, — но его аура, которую Кай чувствовал через «слепое зрение», пульсировала от напряжения. Он слышал последние слова Лины и, судя по выражению его лица, понял их значение.

— Вторая ячейка, — произнёс он, и это был не вопрос. — Значит, мы уничтожили не всех.

— Не всех, — подтвердила Лина. — И я не знаю, сколько их ещё. Может быть, одна. Может быть, несколько. Данные неполные. Но я знаю другое. — Она вывела на экран ещё один фрагмент — временной график с отмеченными на нём пиками активности. — Посмотрите на это. Активность второй ячейки резко возросла после того, как мы разгромили серверную. Не снизилась, как можно было бы ожидать, если бы они испугались, а возросла. Они не отступают. Они готовят что-то. Что-то крупное. Судя по частоте и интенсивности сигналов, это будет не просто атака. Это будет демонстрация. Показательная казнь. Они хотят отомстить за смерть Цензора и показать всем, что Порядок всё ещё силен.

— У них есть конкретная цель? — спросил Дрейк, и его голос прозвучал так, как звучит металл перед боем: холодно, жёстко, безжалостно.

— Я не могу сказать точно, — ответила Лина. — Но есть закономерность. Большинство сигналов проходят через этот сектор. — Она указала на карту, на зону, прилегающую к штабному подвалу. — Они сканируют наш периметр. Они изучают нашу оборону. Они ищут... уязвимость.

В подвале воцарилась тишина. Кай переглянулся с Дрейком, и в этом взгляде было полное понимание. Они оба знали, что это значит. Коллекторы не просто планировали атаку. Они планировали удар в самое сердце. В штаб. Туда, где хранились все архивы Кодекса, все карты убежищ, все списки выживших, все протоколы Совета. Уничтожение штаба было бы не просто военной потерей — это был бы символический акт. Уничтожение закона. Уничтожение порядка, который они с таким трудом построили.

— Мы должны усилить охрану, — произнёс Дрейк, и его голос прозвучал с холодной, безжалостной прямоотой. — Немедленно. Все входы в штаб должны быть заблокированы. Все подходы — заминированы. Каждый, кто приближается без моего личного разрешения, должен быть задержан.

— Это невозможно, — возразил Кай, и его голос прозвучал спокойно, но твёрдо. — Штаб — это не военный объект, Дрейк. Это место, куда приходят люди. Члены Совета, писцы, просители. Если мы превратим его в крепость, мы покажем всем, что боимся. А страх — это именно то, чего они добиваются. Они хотят, чтобы мы забаррикадировались, чтобы мы перестали доверять друг другу, чтобы мы начали видеть врага в каждом, кто подходит к штабу. Если мы это сделаем, они победят, даже не нанеся удара.

— Лучше пусть они боятся нас, чем мы — их, — резко ответил Дрейк. — Если штаб падёт, падёт всё. Кодекс. Хартия. Совет. Все данные, которые Лина собирала неделями. Ты хочешь рискнуть этим ради принципов открытости?

— Я хочу защитить штаб, не превращая его в тюрьму, — возразил Кай. — Мы усилим охрану, но скрытно. Дополнительные посты внутри здания, а не снаружи. Замаскированные ловушки на случай прорыва. И главное — мы должны подготовиться к эвакуации данных. Если они ударят, архивы Кодекса должны быть спасены в первую очередь. Это наше наследие. То, что мы оставим после себя. Если мы потеряем людей, но сохраним закон — мы сможем восстановиться. Если мы потеряем закон — мы потеряем всё.

Лина, которая до этого молча слушала их спор, подняла голову. Её лицо, бледное и осунувшееся, выражало ту особую, холодную решимость, которая появлялась у неё только в моменты наивысшей опасности.

— Я подготовлю резервное хранилище, — произнесла она, и её голос прозвучал так, словно она уже всё решила. — В старом тоннеле под фонтаном. Там есть камера, которую использовали Первые Маги для хранения рунных артефактов. Она защищена древними рунами, которые не зависят от Системы и не могут быть взломаны. Если штаб будет атакован, я перенесу туда все данные. Даже если... — она замолчала на долю секунды, — даже если всё остальное будет потеряно, Кодекс уцелеет.

— Это хороший план, — кивнул Дрейк, и в его голосе прозвучало неохотное одобрение. — Но он требует времени. А времени у нас, судя по твоим данным, нет.

— Времени нет, — согласилась Лина. — Поэтому я начну прямо сейчас.

Она повернулась и направилась к своему рабочему месту — столу, заваленному мониторами, кабелями, обломками старых мана-процессоров и исписанными листками бумаги. Её движения были быстрыми, точными, но Кай заметил, как она на секунду оперлась о край стола, словно у неё закружилась голова. Он хотел что-то сказать — потребовать, чтобы она сначала отдохнула, — но сдержался. Он знал, что это бесполезно. Лина никогда не отдыхала, когда была нужна. Она была нужна сейчас. И любые слова только отняли бы у неё время.

— Дрейк, — произнёс он, поворачиваясь к бывшему аватару. — Усишь скрытые посты внутри штаба. Никакой паники. Никаких объявлений. Люди не должны знать, что мы ожидаем атаку. Но мы должны быть готовы.

Дрейк молча кивнул и вышел из подвала.

2

Час спустя Кай спустился в подвал, где содержалась Ноль. Это был не тюремный блок в привычном смысле слова — скорее, небольшая, сухая комната с крепкой дверью и круглосуточной охраной у входа. Внутри было чисто, даже уютно по меркам лагеря: кто-то принёс одеяло, флягу с водой, небольшую порцию еды. Ноль сидела в углу, прислонившись спиной к стене, с закрытыми глазами. Её лицо, открытое и спокойное, было обращено к двери, когда Кай вошёл, и она открыла глаза — свои настоящие, тёмные, глубокие глаза, которые она больше не прятала за чёрной лентой.

— Ты пришёл проститься, — произнесла она, и это был не вопрос. — Или сообщить что-то важное.

— И то, и другое, — ответил Кай, присаживаясь на перевёрнутый ящик напротив неё. — Твой срок истекает завтра. Ты будешь свободна. Можешь уйти, куда захочешь. Я не буду тебя держать.

— Я знаю, — спокойно ответила Ноль. — И я уйду. Я не могу остаться здесь, Кай. Не после того, что произошло. Не после того, как я увидела, во что превращается твоя Хартия. Она ещё не стала тюрьмой, но она на пути к этому. И я не могу быть частью этого.

— Ты ошибаешься, — тихо произнёс Кай, и в его голосе не было ни гнева, ни осуждения, только усталость и печаль. — Хартия — это не тюрьма. Это попытка. Несовершенная, трудная, но попытка создать что-то справедливое. И она работает, Ноль. Ты видела суд над Коллекторами. Ты видела, как мы судили врагов по закону, а не по ненависти. Разве это не то, за что ты боролась?

Ноль долго молчала, глядя на него. Её глаза, тёмные и глубокие, смотрели на Кая с выражением, которое он не мог до конца расшифровать. Уважение? Сожаление? Разочарование? Всё сразу?

— Ты хороший человек, Кай, — произнесла она наконец, и её голос прозвучал мягче, чем обычно. — Ты всегда был хорошим человеком. Но ты не понимаешь главного. Закон, который нуждается в судьях, всегда будет законом для немногих. Свобода не может быть дарована сверху — она должна быть прожита каждым. Твоя Хартия дарует свободу, но она же её и ограничивает. Ты не видишь этого, потому что ты веришь в то, что делаешь. Но я вижу. Я всегда видела. И именно поэтому я должна уйти.

Она замолчала и перевела дух. Затем она подалась вперёд и посмотрела на Кая с неожиданной интенсивностью.

— Но перед тем как я уйду, я скажу тебе кое-что. Что-то, что я чувствую своим «слепым зрением». В лагере беспокойно. Я не знаю, что именно, но я чувствую... сгущение. Тьму, которая не является «Внешними», но и не является человеческой. Она другая. Она знакомая. Она пахнет старыми протоколами и старой кровью. Будь осторожен, Кай. Будь очень осторожен.

Кай почувствовал, как его каменная левая рука начинает вибрировать — едва заметно, почти неуловимо, но достаточно, чтобы он понял: слова Ноль были не пустым предупреждением. Она действительно чувствовала что-то. Что-то, что его собственное «слепое зрение» ещё не уловило, но что уже было в воздухе, как запах гари перед пожаром.

— Я буду осторожен, — произнёс он, вставая. — Спасибо тебе. За всё.

Ноль ничего не ответила. Она просто закрыла глаза и снова откинулась к стене. Но когда Кай уже взялся за ручку двери, она тихо — так тихо, что он едва расслышал, — добавила:

— Прощай, Кай.

Он не обернулся. Он вышел из подвала и закрыл за собой дверь. И только в коридоре, вдали от посторонних глаз, он позволил себе на секунду закрыть глаза и глубоко вздохнуть. Он терял друга. Не врага — друга. Женщину, которая прошла с ним через ад и которая теперь уходила, потому что не могла принять его путь. Это было больно. Почти так же больно, как потеря Грегора. Но он знал, что должен отпустить её. Потому что свобода, которую он защищал, включала в себя и свободу уйти.

Часть II. Атака на святая святых

3

Ближе к полудню, когда солнце наконец пробилось сквозь облака и залило площадь ярким, почти весенним светом, на южном периметре лагеря началась стрельба.

Кай в этот момент находился в штабном подвале, обсуждая с одним из писцов, бывшим учителем по имени Вернер, детали нового раздела Кодекса, касающегося прав беженцев. Лина сидела за своим столом, погружённая в работу, и её пальцы — и живые, и механические — порхали по клавиатуре с той скоростью, которая всегда завораживала Кая. Шнырь, чьё раненое плечо всё ещё было на перевязи, сидел в углу и переписывал начисто одну из копий Кодекса — он вызвался на эту работу добровольно, сказав, что хочет быть полезным, пока не сможет держать оружие.

Первые выстрелы прозвучали глухо и далеко, как раскаты грома на горизонте. Кай поднял голову и нахмурился. Через несколько секунд в штаб вбежал Арик — без стука, без предупреждения, что было совершенно не похоже на обычно дисциплинированного разведчика. Его лицо было бледным, а глаза горели тревогой и яростью одновременно.

— Господин Кай! — выпалил он, запыхавшись. — Южный пост! Нападение! Мародёры Рейна! Они... они словно взбесились! Они палят из всего, что у них есть, по посту и по баррикадам! Кричат что-то про то, что их обделили при раздаче пайков, что Совет их предал, что они требуют справедливости!

— Мародёры Рейна? — переспросил Кай, вставая. — Рейн присягнул на верность лагерю после битвы у источника. Он дал слово. Что случилось?

— Я не знаю! — ответил Арик. — Но там хаос! Дрейк уже там, он пытается утихомирить их, но они не слушают! Они требуют вас! Говорят, что будут стрелять, пока вы лично не придёте и не выслушаете их требования!

Кай почувствовал, как внутри него что-то холодеет. Это было неправильно. Всё в этой ситуации было неправильно. Рейн, при всей своей дикости и недоверии к власти, был человеком слова. Если он присягнул, он не стал бы нарушать клятву без крайне веской причины. А пайки... Кай лично следил за тем, чтобы распределение было справедливым. Никто не был обделён. Никто не был обижен. Это была ложь. Провокация. Но зачем?

И тут он вспомнил слова Лины: «Они готовят что-то крупное. Демонстрацию. Показательную казнь». И слова Ноль: «Тьма сгущается».

— Это отвлекающий манёвр, — медленно произнёс он, и все взгляды в подвале обратились к нему. — Они хотят выманить нас из штаба. Стянуть силы на южный пост. А потом ударить здесь.

— Но кто «они»? — спросил Вернер, и его голос дрожал.

— Коллекторы, — ответила за Кая Лина, не отрываясь от монитора. — Вторая ячейка. О которой я говорила утром. Они используют мародёров как живой щит. Или, возможно, они как-то манипулируют ими — через страх, через шантаж, через что-то ещё. Но цель ясна: отвлечь нас.

— Я должен идти туда, — произнёс Кай, и его голос прозвучал твёрдо, несмотря на холод внутри. — Если я не появлюсь, они действительно начнут стрелять на поражение. Погибнут люди — и наши, и их. Я должен попытаться успокоить их.

— Это ловушка! — резко возразил Арик. — Если вы уйдёте, штаб останется без защиты!

— Здесь останутся Дрейк и его люди, — ответил Кай. — Я возьму с собой только небольшой эскорт. Лина, Шнырь, вы остаётесь здесь. Продолжайте работу. Если что-то случится — немедленно подайте сигнал.

Лина подняла голову и посмотрела на него. Её лицо, бледное и осунувшееся, выражало тревогу, которую она редко позволяла себе показывать.

— Будь осторожен, — произнесла она, и в её голосе прозвучало что-то, что Кай не мог расшифровать. Не просто тревога — что-то более глубокое. Что-то, похожее на предчувствие.

— Я всегда осторожен, — ответил он, хотя оба знали, что это неправда.

Он повернулся и вышел из штаба, оставив Лину, Шныря и Вернера в подвале.

4

Южный пост находился в пятнадцати минутах быстрой ходьбы от штаба. Когда Кай добрался туда в сопровождении Арика и двух охранников, он увидел сцену, которую ожидал — и которой боялся. Около двадцати мародёров, вооружённых кто чем — от самодельных жезлов до старых армейских арбалетов, — стояли полукругом перед баррикадой и орали, размахивая оружием. Среди них были и мужчины, и женщины, и даже пара подростков, размалёванных ритуальной краской. Их лица были искажены яростью, но в глазах, если присмотреться, читался не гнев, а страх. Дикий, животный страх, который был им несвойственен.

Дрейк стоял перед ними, один, без оружия, раскинув руки в стороны в жесте, который одновременно мог означать и защиту, и мольбу. Он говорил — спокойно, размеренно, пытаясь достучаться до разума людей, которые, казалось, разум потеряли. Но его слова тонули в криках и проклятиях.

— ...не хватает пайков! Мы работаем на вас, как проклятые, а вы кормите нас объедками! Где справедливость, Инквизитор?! Где ваша хвалёная Хартия?!

Кай вышел вперёд и встал рядом с Дрейком. Его появление на мгновение заставило толпу замолчать. Десятки глаз, налитых кровью и страхом, уставились на него.

— Я здесь, — произнёс он, и его голос, спокойный и твёрдый, разнёсся над площадью. — Вы хотели говорить со мной. Говорите. Но опустите оружие. Я не буду разговаривать с теми, кто угрожает моим людям.

— Твои люди! — выкрикнул один из мародёров, крупный мужчина с лицом, покрытым ритуальными шрамами. Кай узнал его — это был один из лейтенантов Рейна, человек по имени Варг. — А мы — не твои люди?! Мы присягнули тебе! Мы работали на тебя! А ты... ты кормишь нас отбросами, пока твои приближённые жируют!

— Это ложь, — спокойно ответил Кай. — Пайки распределяются поровну. Я лично утверждаю каждую ведомость. Ты это знаешь, Варг. Ты был на раздаче вчера. Ты видел, что все получили одинаково. Что случилось? Кто сказал тебе, что вас обделили?

Варг заколебался. Его ярость, казалось, на мгновение угасла, сменившись растерянностью. Он переглянулся с другими мародёрами, и Кай увидел, что они тоже колеблются. Они были не столько злы, сколько сбиты с толку. Кто-то — или что-то — затуманил их разум.

— Мы... мы слышали... — начал Варг, но осёкся. Его лицо исказилось — не от ярости, а от боли. Он схватился за голову и застонал. — Что... что со мной? Я... я не помню...

В этот момент воздух наполнился низким, вибрирующим гулом. Кай узнал этот звук. Он слышал его в серверной, когда Цензор читал свою проповедь. Это была частота «Процессоров» — та самая, которую Лина пыталась отследить. И она исходила не от мародёров. Она исходила откуда-то из-за их спин, из руин, где никто не мог видеть.

— Это они, — тихо произнёс Кай, поворачиваясь к Дрейку. — Коллекторы. Они здесь. Они как-то воздействуют на мародёров. «Процессоры» — они, должно быть, транслируют какой-то сигнал. Внушение. Или панику. Или и то, и другое.

— Но где они? — резко спросил Дрейк, оглядываясь по сторонам. Руины вокруг были пусты — по крайней мере, на первый взгляд.

Гул усилился. Мародёры, которые только что стояли полукругом и слушали Кая, начали шататься, хвататься за головы, падать на колени. Некоторые из них кричали — не от боли, а от ужаса, словно они видели что-то, чего не видел никто другой. Варг рухнул на землю и забился в конвульсиях.

А затем по связи, которую Кай всё ещё носил на поясе, раздался голос Лины. Её голос, всегда спокойный и собранный, сейчас был полон напряжения и... страха? Лина никогда не боялась. Или, по крайней мере, никогда не показывала этого.

— Кай! — её голос прорвался сквозь треск помех. — Они здесь! В штабе! Они прорвались через старый технический тоннель под восточной стеной! Я не знала о нём — его не было на картах! Я... я пытаюсь сдержать их, но...

Связь оборвалась.

5

Кай побежал. Он не помнил, как преодолел расстояние от южного поста до штаба, — его тело действовало само, движимое не мыслью, а слепым, животным ужасом. Дрейк бежал рядом с ним, и его аура пылала такой яростью, какой Кай никогда у него не видел. Позади них Арик и остальные охранники пытались не отстать, но тщетно.

Штабной подвал, когда они ворвались в него, был похож на зону боевых действий. Часть стены у восточного входа была разрушена — не взорвана, а именно разворочена, словно кто-то пробил её тараном невероятной силы. Из пролома валил дым и пыль, смешанные с запахом озона и горелого металла. Внутри подвала царил хаос: опрокинутые столы, разбитые мониторы, разбросанные по полу листки бумаги. Вернер лежал у стены, прижимая руку к окровавленному боку, но был жив. Рядом с ним, привалившись спиной к обломкам, сидел Шнырь — его лицо было разбито, из носа текла кровь, но он сжимал в здоровой руке короткий клинок и смотрел перед собой с выражением холодной, отчаянной решимости.

А в центре подвала, между разрушенной стеной и серверной стойкой, где хранились все архивы Кодекса, сражалась Лина.

Кай замер на долю секунды, не в силах поверить в то, что он видел. Лина — его Лина, техник, аналитик, женщина, которая всегда говорила, что она не боец, что её оружие — это данные, а не клинки, — сражалась. Её механическая рука, обычно гудящая в фоновом режиме, была активирована на полную боевую мощь, и из предплечья был выдвинут тот самый ствол, который она использовала только в самых крайних случаях. Она стреляла короткими, точными очередями, и каждый выстрел находил цель. Один Коллектор — высокий, в изуродованной, перешитой форме, — уже лежал на полу с простреленной головой. Второй, с имплантированным клинком вместо левой руки, надвигался на неё, уклоняясь от выстрелов с неестественной, дерганой скоростью.

Лина двигалась. Она не была быстра — её тело, ослабленное неделями недосыпа и истощения, не могло сравниться с имплантированной мощью Коллекторов. Но она была точна. Каждое её движение было рассчитано, каждый шаг выверен. Она использовала свои сенсоры, чтобы предугадывать атаки врага, и уклонялась от ударов клинка в самый последний момент — не на сантиметры, на миллиметры. Её лицо, бледное и сосредоточенное, было похоже на маску — маску человека, который отбросил всё лишнее, все эмоции, все сомнения, и превратился в чистую, холодную функцию. Функцию защиты.

— Лина! — крикнул Кай, бросаясь вперёд.

Она не обернулась. Не могла — малейшее отвлечение стоило бы ей жизни. Но она услышала его. И на долю секунды, на одно неуловимое мгновение, её губы изогнулись в той самой знакомой, кривоватой усмешке, которую Кай знал так хорошо.

— Ты вовремя, — бросила она, уклоняясь от очередного удара и всаживая заряд в плечо нападавшего. Коллектор пошатнулся, но не упал — его броня была усилена. — Их трое. Двое здесь. Один... один пошёл к серверной.

Кай и Дрейк бросились к серверной стойке — той самой, за которой Лина работала все эти недели. Там, среди гула и мерцания старых, полусломанных мана-процессоров, стояла женщина. Она была одета не в рваную форму, как остальные, а в почти нетронутый серый мундир с символикой Инквизиции — весы, уравновешенные мечом. Её лицо, наполовину скрытое металлической боевой маской, было спокойным и холодным. Она не выглядела как фанатик — она выглядела как профессионал. Как солдат, выполняющий приказ. Её позывной — «Инквизитор-Гарда» — был выгравирован на наплечной пластине.

— Лже-Инквизитор, — произнесла она, и её голос, искажённый маской, прозвучал безэмоционально, как голос Системы. — Приговор приведён в исполнение. Архивы еретического закона должны быть уничтожены.

Она подняла руку — её правая рука была не человеческой, а полностью механической, с встроенным магическим излучателем, — и направила его на серверную стойку. Кай бросился к ней, но он знал, что не успеет. Она была слишком далеко. Слишком быстра. Его клинок — старый инквизиторский меч, который он выхватил на бегу, — не мог достать её с такого расстояния. Его «нуль» был истощён после битвы с Цензором и ещё не восстановился. Дрейк, который бежал с другой стороны, тоже не успевал — его путь преградил упавший обломок стены.

И тогда Лина сделала то, чего не ожидал никто.

Она отбросила в сторону Коллектора, с которым сражалась, — выстрелом в упор, почти вандальным, выжигающим импланты из его груди, — и бросилась наперерез «Гарде». Она не была быстра. Она не была сильна. Но она была точна, как всегда. Она врезалась в «Гарду» всем телом за долю секунды до того, как та активировала излучатель. Удар отбросил «Гарду» в сторону, и луч энергии, предназначенный серверной стойке, ушёл в потолок, пробив в нём огромную дыру, через которую в подвал хлынул солнечный свет.

— Лина! — крикнул Кай, добегая до серверной.

«Гарда» уже поднималась. Её лицо под маской было искажено яростью — первой эмоцией, которую Кай увидел на нём. Она отшвырнула Лину в сторону ударом механической руки, и та, слабо вскрикнув, ударилась о стену рядом с серверной стойкой и сползла на пол. Затем «Гарда» повернулась к Каю, и её излучатель снова начал светиться, набирая заряд.

— Ты опоздал, Инквизитор, — произнесла она. — Твой закон умрёт вместе с тобой.

Кай вступил в бой. Это была схватка на износ — «Гарда» была быстрее и сильнее, чем любой Коллектор, с которым он сражался раньше. Её импланты работали на пределе мощности, и каждое её движение было оптимизировано до совершенства. Кай парировал удары, уклонялся, контратаковал, но его сил не хватало. Его правая рука, всё ещё не полностью восстановившаяся после ранения, полученного в серверной, начинала неметь. Его каменная левая рука, висевшая мёртвым грузом, делала его медленнее, уязвимее. Дрейк пытался пробиться к нему на помощь, но его сдерживали двое оставшихся Коллекторов, которые, несмотря на раны, продолжали сражаться с машинальной, безумной яростью.

«Гарда» загнала Кая в угол. Её клинок — выдвижной, имплантированный в предплечье — полоснул его по рёбрам, и Кай почувствовал, как по боку потекла кровь. Он отшатнулся, теряя равновесие, и «Гарда» занесла клинок для финального удара.

И в этот момент Шнырь, который всё это время лежал у стены, преодолевая боль, поднялся на ноги. Его лицо, разбитое и окровавленное, было искажено не яростью, а чем-то иным. Чем-то, что было похоже на... молитву? Он сжимал в руке свой жетон — тот самый, с надписью «НАДЕЖДА», — и его губы шевелились, беззвучно проговаривая слова.

— Не тронь... их... — прохрипел он и бросился на «Гарду» сзади.

Его клинок, короткий и тусклый, вонзился в незащищённое место между пластинами брони — туда, где проходили кабели, соединявшие импланты. «Гарда» закричала — не механическим голосом, а человеческим, полным боли, — и развернулась к Шнырю. Удар её клинка отсек мальчишку в сторону, и он, перелетев через половину подвала, рухнул на пол и затих.

Но этой секунды задержки хватило Каю. Он использовал «нуль» — не на полную мощность, но достаточно, чтобы на мгновение дезориентировать «Гарду», нарушить связь между её имплантами. Она замерла, словно кукла, у которой перерезали нити, и в это мгновение Кай вонзил свой меч в её грудь. Клинок прошёл сквозь броню, сквозь плоть, сквозь «Процессор», и «Гарда» рухнула на пол. Её тело дёрнулось несколько раз и затихло.

В подвале воцарилась тишина.

Кай, тяжело дыша, опустился на колени. Его бок кровоточил, правая рука дрожала, перед глазами плыли тёмные пятна. Дрейк, разобравшись с последним Коллектором, подбежал к нему и помог подняться. Шнырь, к счастью, был жив — Арик уже склонился над ним, проверяя его раны.

И тут Кай услышал звук.

Он доносился от серверной стойки. Слабый, прерывистый, похожий на тиканье часов или на предсмертный хрип умирающего зверя. Кай обернулся и увидел, что «Гарда», падая, успела активировать не излучатель — нет, нечто другое. Её механическая рука, оторванная в бою, лежала у основания серверной стойки. И в её центре пульсировал зелёный огонёк — маленький, безобидный на вид, но с каждой секундой разгорающийся всё ярче.

Термическая граната. Встроенная прямо в имплант. Последний дар «Инквизитора-Гарды» своему богу.

6

Время замедлилось. Кай видел, как зелёный огонёк становится ярче. Видел, как Дрейк, осознав опасность, кричит что-то — он не слышал слов, только движение губ. Видел, как Вернер пытается отползти в сторону, зажимая рану на боку. Видел, как Шнырь, приходя в сознание, смотрит на гранату широко раскрытыми от ужаса глазами.

И видел Лину.

Она лежала у стены, рядом с серверной стойкой, куда её отбросила «Гарда». Её лицо было бледным, почти белым, на виске виднелась кровь — она ударилась головой при падении. Но она была в сознании. Её красная линза вращалась, сканируя гранату, просчитывая траекторию взрыва, оценивая ущерб. И её механическая рука, повреждённая, искрящая, дёргалась в конвульсиях — она пыталась активировать какой-то протокол.

— Лина! — крикнул Кай. — Отходи!

Она посмотрела на него. Их взгляды встретились — его глаза, полные ужаса и мольбы, и её единственный живой глаз, спокойный и ясный, как никогда. И в этом взгляде Кай увидел что-то, от чего его сердце пропустило удар. Не страх. Не боль. А принятие. Спокойное, осознанное принятие того, что должно произойти.

— Данные, — произнесла она, и её голос, тихий и слабый, но отчётливый, разнёсся по подвалу. — Сервер. Кодекс. Если он будет уничтожен, всё пропадёт. Всё, что мы... всё, что мы сделали. Этого нельзя допустить.

— Лина, нет! — закричал Кай и бросился к ней. Но было поздно.

Она активировала последний рабочий протокол своей механической руки. Не оружие — у неё не осталось зарядов. Не связь — антенна была повреждена. А аварийный магический щит. Тот самый, который она разработала на случай полномасштабной атаки на штаб. Тот самый,

который она никогда не тестировала, потому что для этого требовался полный выброс энергии её собственного мана-ядра, встроенного в протезы и поддерживающего её жизнь.

Щит развернулся мгновенно. Полупрозрачная, переливающаяся всеми цветами спектра сфера окутала серверную стойку — и Лину, которая лежала прямо перед ней. Она не пыталась отползти. Она знала, что не успеет. Она просто закрыла собой данные. Закрыла собой Кодекс. Закрыла собой всё, ради чего они боролись.

Граната взорвалась.

Вспышка ослепила Кая. Ударная волна отбросила его назад, и он, пролетев несколько метров, врезался в стену. Дрейк, Арик, Шнырь — все, кто был в подвале, — были сметены, как щепки. На несколько секунд мир превратился в хаос из света, звука и боли. А затем наступила тишина.

Кай с трудом поднялся на ноги. Его тело протестовало против каждого движения: бок кровоточил, голова кружилась, в ушах звенело. Он, шатаясь, побрёл через разрушенный подвал, через обломки, через пыль, через дым, который медленно оседал на пол, словно саван. Огонь, вызванный взрывом, уже начал угасать, залитый магическим щитом. Серверная стойка, хоть и повреждённая, всё ещё стояла. Данные уцелели. Кодекс уцелел.

Но Лина...

Она лежала на том же месте, где и была. Щит, который она создала, выдержал взрыв, но ценой полного выгорания её мана-ядра. Её механическая рука, её гордость и её оружие, была почти полностью уничтожена — от неё остался только обугленный остов, из которого вырывались последние искры умирающей энергии. Красная линза погасла. Её лицо, бледное и спокойное, было покрыто копотью и кровью. Её единственный живой глаз был закрыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.